

М. В. ЛЕВЧЕНКО

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ДОГОВОРЫ 907 И 911 гг.

Важнейший момент в образовании Киевского государства — соединение новгородского севера и киевского юга в один политический организм нашел отражение в различных преданиях об Олеге, передаваемых источниками. Предания эти дошли до нас, однако, в таком виде, что трудно отделить истину от комбинаций книжника-летописца, который по-своему перекраивал материал, имевшийся в его распоряжении. В этих преданиях сливается воедино деятельность Олега и Игоря, и притом — по-разному. По версии Новгородской первой летописи, у Рюрика — сын Игорь, а при нем воевода — Олег, Игорь — взрослый князь, и действуют они вместе. По возвращении из успешного похода на греков Олег умирает на севере¹. Совсем иначе ход событий передается в „Повести временных лет“. А. Шахматов остроумно объясняет, почему составитель „Повести временных лет“ переделал воеводу Олега в князя, когда вставлял в свой свод найденный им договор с греками. В договоре Олег титуловался „великим князем русским“, и потому летописец сделал его родственником Рюрика, а Игоря обратил в „малолетка“². Обе эти версии — плод книжнической работы.

История Олега сохранилась в „Повести временных лет“ в неопределенно смутном предании. Летописец рассказывает, что новгородский князь Олег спустился по Днепру до Киева и овладел им. Это событие, согласно летописной хронологии, произошло в 882 г., когда Олег, предварительно заняв Смоленск и Любеч, хитростью захватил Киев и убил княживших там нерюриковичей — Аскольда и Дира. Объединение двух важнейших центров по великому водному пути „из варяг в греки“ в руках Олега дало ему возможность подчинить своей власти прочие восточнославянские земли — древлян, северян и радимичей. При этом северян и радимичей Олег отвоевал у хазар. Восточнославянские племена между Днестром и Днепром долго сопротивлялись Олегу и окончательно подчинились только его преемнику Игорю.

Таким образом, если верить „Повести временных лет“, то именно Олег явился объединителем восточнославянских племен. Так быстро и просто, по летописи, произошло событие первостепенной важности — объединение под властью киевского князя почти всех восточнославянских племен. Но не так, конечно, происходило оно на деле.

¹ Новгородская первая летопись младшего извода, п. 30—31, цит. по изд. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, стр. 107—109.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 94—108, 316—321.

Уже давно историческая критика высказала сомнение по поводу достоверности рассказа летописца о подчинении Олегом, в результате трех походов, северян, заселявших огромную территорию, а также древлян и радимичей, упорно отстаивавших свою свободу. Столь же недостоверным надо считать и описание похода Олега из Новгорода в Киев, во время которого он будто бы без сопротивления занимает города, встречающиеся на его пути, в Киеве лишает княжеского престола „узурпаторов“, а на Новгород накладывает дань — факт, который решительно не вяжется с рассказом летописца о завоевании Киева из Новгорода.

Было выдвинуто обоснованное предположение, согласно которому летописец имел слишком скудные сведения о процессе образования русского государства и вышел из этого затруднения, приписав роль объединителя Олегу¹.

Не подлежит, однако, сомнению, что к началу X в. путь „из варяг в греки“ был уже в основном в руках киевских князей и жившие по нему племена и расположенные вдоль него города находились под политическим влиянием Киева: либо имели княжеских посадников, либо были связаны союзами с Киевом. Впрочем, отсутствие упоминаний о Новгороде в договорах Олега заставляет некоторых историков предполагать, что объединение под одной властью Новгорода и Киева совершилось позднее, только при Игоре². Во всяком случае северские центры — Любеч, Чернигов и Переяславль — „Повесть временных лет“ представляет уже в начале X в. (в парафразе Олегова договора) находящимися в политической связи с Киевом.

Утверждение господства киевских князей на пути „из варяг в греки“ сделало возможными частые походы Руси на Каспийское море. Походы эти начинаются в последней четверти IX в., когда Русь во времена Абу-Зейда „ходила на Абесгун“; поход на тот же Абесгун был произведен в 909—910 гг., а в 912—913 гг. Русь страшно опустошила южное побережье Каспийского моря. Вместе с тем в конце IX, начале X в. „Русь“, игравшая уже значительную политическую роль, нападала на византийские владения и самый Константинополь, проникала в Закавказье; в то же время она вела оживленную торговлю в Хазарии, в византийских владениях, в том числе и в столице империи. Связи Киева с Византией развивались, причем характер того интереса к Византии, который проявлялся в Киевской Руси и увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов последней, не оставался неизменным. Расширение подвластной территории означало для русских князей увеличение дани, а это давало им возможность содержать большую воинскую силу — дружину. Дань-подать в руках русских князей и дружинников превращалась в товар, который шел главным образом за границу, и прежде всего — в Византию. С течением времени из простой приманки для русских искателей добычи „Царьград... заметно превращался в пункт торговых и культурных связей двух государств: одного — дряхлеющего носителя мировой культуры, другого — молодого, мало искушенного в высоких культурных ценностях, но энергично растущего, неизменно в течение веков влекомого к Царьграду“³.

Мы располагаем документальными данными о том, что после 860 г. между Византией и Русью долгое время существовали мирные и дружественные отношения. Об этом прямо говорит начало договора 911 г.,

¹ М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. I, Львов, 1904, стр. 366.

² А. Е. Пресняков. Лекції по російській історії, т. I, М., 1938, стр. 79.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 449.

где мы читаем: „... Мы от рода русского (следует перечень имен послов и гостей), посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его — светлых и великих князей и его великих бояр к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими...“¹

Однако у нас нет оснований для того, чтобы представлять себе эти отношения до похода самого Игоря (941) неизменно дружественными. Константин Порфирородный писал в половине X в.: „Когда ромейский император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу; не могут они требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую император при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на землю русских и турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли“². Б. Д. Греков справедливо указывает, что здесь имеется в виду не один какой-нибудь поход Руси на Византию, а целая система русско-византийских отношений³.

В начале X в. Византия оказалась в очень затруднительном положении. Если в VII—VIII вв. в результате распространения общинных отношений в Византии наблюдался хозяйственный подъем, если условия этого времени способствовали развитию производительных сил, то феодальные порядки, развивавшиеся во второй половине IX и в X вв., наоборот, вели к застою.

Важнейшим фактом аграрных отношений этого времени является обезземеление и порабощение династами свободных крестьян и стражников. X в. был временем быстрого роста паразитического монастырского землевладения; вместе с тем усиливалась феодализирующаяся знать. Рост могущества этой знати подрывал основы византийского централизованного государства. Македонская династия, пришедшая к власти после того, как революционные движения народных масс (восстание Фомы Славянина, движение павликиан) и реформаторские попытки иконоборцев потерпели поражение, довершила победу реакции.

Византийские династы не ограничивались тем, что подрывали мелкую крестьянскую собственность в своей стране; они стремились использовать начавшееся ослабление Багдадского халифата для экспансии на Восток и одновременно пытались расширить свое влияние на Балканах. Эта изнурительная, никогда не прекращавшаяся борьба, иногда одновременно на два фронта, велась Византией с переменным успехом. В X в. империя, однако, еще сохраняла свою торговую и промышленную гегемонию; благодаря своему экономическому превосходству она продолжала эксплуатировать окружающие народы, оставаясь единственным посредником в торговле Востока с Западной Европой — „золотым мостом“ (К. Маркс) между Европой и Азией. Все это создавало Константинополю славу города, в котором богатствам нет меры и числа. Но эти богатства были достоянием немногих.

¹ Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи), под 6420 г. Цит. перевод по изд. „Повесть временных лет“, М.—Л., 1950, стр. 222.

² *Constantini Porphyrogeneti. De administrando imperio*, cap. 4, ed. Bonn., 1840, p. 70.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 450.

Византийские порядки тормозили развитие производительных сил и в городе: городской воздух здесь не делал крестьянина свободным.

С организацией, жизнью и бытом византийских торговцев и ремесленников X в. нас знакомит „Книга эпарха“. Ремесленники, по данным этого источника, были объединены в корпорации, но наличие централизованного государственного аппарата лишало средневековую корпоративность в византийском городе столь всеобъемлющего характера, какой она имела на Западе. Это определяло относительную узость задач византийских торгово-ремесленных объединений¹.

Характерной особенностью византийского ремесла X в. было широкое применение рабского труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Раб, как работник и даже хозяин мастерской, постоянно упоминается в „Книге эпарха“². Сохранение рабского труда тормозило развитие техники³. Внутри византийских цехов и между ними не было даже относительного ни правового, ни экономического равенства. Существовали привилегированные цехи, в которых не устанавливалась норма прибыли (вестиопраты, метаксопраты, прандиопраты)⁴. Богатый вельможа, опираясь на поддержку эпарха, мог организовать любое количество эргастерий через своих рабов⁵.

Деятельность византийских цехов находилась под бдительным контролем государства. Особый надзор устанавливался за теми корпорациями, на обязанности которых лежало снабжение столицы продовольствием. Правительство контролировало количество и качество закупаемых товаров, устанавливало цены, по которым товары должны покупаться и продаваться, прибыль, получаемую торговцами скотом, рыбаками, мясниками, хлебниками, содержателями харчевен. За исключением немногих привилегированных цехов, тесно связанных с правящими верхами, в которых не устанавливалась норма прибыли, византийские корпорации представляли собой приниженную массу ремесленников и торговцев, изнывавшую под бременем всевозможных повинностей. При этом правящие верхи Византии подвергали притеснениям и иностранных торговцев. Иностранные купцы (а в столице имелись целые торговые колонии иностранцев — сирийцев, итальянцев, хазар, русских, болгар, евреев) должны были в некоторых случаях продавать свои товары только членам цехов. Иноземные товары должны были быть собраны в одном месте, так чтобы все члены цехов, предварительно собравшись, распределили товар между собой⁶.

Члены цехов могли в контакте с городским эпархом регулировать цены, устанавливать „справедливую цену“ и диктовать ее продавцу. Иногда это приводило к прямому насилию над провинциальными и иностранными купцами, тем более, что иностранный и иногородний купец обязан был распродать свой товар в течение определенного срока. Если же товар оставался нераспроданным, то иностранный купец должен был предоставить эпарху решение вопроса о том, как поступить с этим товаром.

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, М., 1951, стр. 13.

² J. Nicole. *Λέοντος τοῦ σοφοῦ τὸ «Ἐπαρχικὸν βιβλίον»*, Genève, 1893, III, 1, 6; VI, 1; VII, 3, 5; VIII, 7; XII, 8; XV, 4; XVIII, 1.

³ Ibid., XVIII, 2; Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, стр. 16.

⁴ *Ἐπαρχικὸν βιβλίον*, VI, 8; XXX, 9.

⁵ Ibid., II, 10; VIII, 13.

⁶ Ibid., V, 2.

Правящие верхи Византии стремились по возможности больше привлекать товаров в столицу и, с другой стороны, следили за тем, чтобы возможно меньше высокосортных товаров (например, лучших сортов шелковых тканей) вывозилось за границу¹. Этими высокосортными товарами распоряжалось само правительство.

Притеснения иностранных торговцев, естественно, должны были вызывать отпор со стороны соседей Византии. Характерно, например, что преследование болгарских торговцев при Льве VI являлось поводом для длительных и ожесточенных войн Болгарии с Византией.

Торговля Византии с Болгарией, поставлявшей в Византию мед, лен, полотняные ткани и выменивавшей их на разрешенные к экспорту худшие сорта шелковых тканей, сирийских материй и других предметов византийского экспорта, была весьма оживленной. Однако, если Василий I заботливо поддерживал дружественные отношения с Болгарией, то его преемник Лев VI резко изменил эту политику. Интриги византийских спекулянтов, захвативших в свои руки торговлю с Болгарией, привели к перенесению болгарской торговли из Константинополя в Фессалонику и обложению болгарских товаров высокими таможенными пошлинами. Это послужило причиной начавшейся в 890 г. войны между Болгарией и Византией. После того, как протест болгарского царя был оставлен без внимания византийским правительством, Симеон начал военные действия, очень удачные для Болгарии. Во время этой войны Лев VI обратился за помощью против болгар к венграм. Сблазненные богатыми подарками, венгры согласились вторгнуться в Болгарию; византийский флот перевез их через Дунай. В борьбе с венграми Симеон потерпел сильное поражение. Собравшись с силами после ухода венгров и заключив союз с печенегами, он летом 892 г. жестоко опустошил Ателькузу, где в то время находились становища венгров, а затем нанес сильное поражение византийским войскам при Болгарофиге. По заключенному в 904 г. миру Византия уступала Болгарии значительную территорию и обязалась платить ежегодную дань. Но и после этого, хотя мир официально не нарушался в течение двадцати лет, Болгария продолжала оставаться для империи грозной силой, — она использовала каждый благоприятный момент для расширения своей территории и создания новых трудностей византийскому правительству².

С этим связаны и другие неудачи византийской политики в правление Льва VI. Сицилия была окончательно потеряна. После отозвания Никифора Фоки византийцев стали теснить и в южной Италии. На восточной малоазийской границе арабы медленно, но упорно продвигались вперед.

Русь, объединенная к началу X в. под властью Киева, вела активную внешнюю политику и не могла не использовать затруднительного положения Константинополя.

И действительно, по словам летописи, русский князь Олег в 907 г., собрав большое ополчение из варягов, ильменских славян, кривичей, древлян, радимичей, северян, хорват, дулебов, тиверцев, чуди и мерян, двинулся походом на Константинополь. Поход, по летописным данным, был предпринят одновременно и морской и сухопутный³. Греки не сумели защитить и после того, как Олег разорил окрестности Константинополя

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в X веке, стр. 34.

² В. Н. Златарски. История на първото българско царство, София, 1927, ч. 2, стр. 301.

³ Повесть временных лет, указ. изд. стр. 24.

и „много убийства сотвори около града греком“¹, вынуждены были пойти на невыгодный для них мир.

После этого был заключен мирный договор 907 г., пересказанный летописцем, а затем новый договор 2 сентября 911 г., целиком включенный в летопись.

Эти договоры — единственный надежный источник для изучения похода Олега на Византию. Все остальное повествование летописца об этом походе — книжническая работа по разным источникам: описание зверств, учиненных русскими в окрестностях Византии, взято из славянского перевода „Жития Василия Нового“ и Продолжателя Амартола, которые использованы и для рассказа о походе Игоря. Затем идут легендарные и эпические мотивы, такие, например, как рассказ о ладьях под парусами на суше, о смерти Олега „от своего любимого коня“, предугаданной мудрым кудесником, народный анекдот о „паволочитых“ и „кропичных“ парусах. По словам летописи, удачные действия Олега навели такой страх на греков, что те говорили: „нѣсть се Олег, но святой Дмитрей, послан на ны от бога“². Речь идет здесь о Дмитрии Солунском, почитание которого было распространено среди южных славян.

Уже одно это обстоятельство наводит на мысль о балканском происхождении источника летописного рассказа³. Это предположение подтверждается сообщением летописи о том, что Олег повесил свой щит на воротах Цареграда: рассказ летописи в данном случае напоминает эпизод из истории войн Византии с Болгарией в начале IX в., когда болгарский хан Крум в 813 г. потребовал водрузить свое копы на золотых воротах Константинополя⁴.

Невероятной является цифра контрибуции, наложенной на греков, которую Н. Д. Знойко, на основании данных летописи, исчисляет в 1 209 600 золотых солидов⁵. Такой контрибуции Византия никогда не уплачивала.

Историки, признающие реальность похода Олега, видят зерно исторической истины в том, что были какие-то походы Руси на византийские земли, однако, быть может, не на самый Константинополь и не в 907 г. Эти походы были удачными, что и дало повод к разрисовке их народной фантазией, а Византию вынудило к заключению выгодных для Руси договоров⁶.

Если К. Шлецер отрицал подлинность договоров, то все другие русские историки, изучавшие эти договоры, не сомневались в их подлинности. Не вызывало также разногласий то положение, что договоры переведены летописцем с греческого. Со времени исследования Н. А. Лавровского, написанного в 1853 г.⁷, этот вопрос справедливо считается решенным в положительном смысле. Установлено, что летописный текст — несомненный перевод с греческого, притом настолько

¹ Повесть временных лет, стр. 24.

² Там же.

³ Ср. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. „Славянский сборник“, ОГИЗ, 1947, стр. 141.

⁴ The orphanis Chronographia, ed. C. de Boor, 1883, t. I, p. 503.

⁵ Н. Д. Знойко. О посольстве Калокира. ЖМНП, 1907, ч. VIII, новая серия, стр. 137.

⁶ М. С. Грушевский. История Украины — Руси, стр. 385; А. А. Шахматов, Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. „Записки Неофилологического общества“, вып. VIII, Петроград, 1915, стр. 385—400; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 69, 73.

⁷ Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, СПб., 1853.

„подстрочный“, что иногда он непонятен без обратного перевода на греческий язык.

Однако существуют разногласия во взглядах на взаимоотношение договоров между собой и в оценке каждого договора, как известного дипломатического акта международной политики того времени. В русской литературе уже не раз высказывалось мнение о том, что летописные известия 907 г. не есть формальный договор, а только предварительное соглашение, на основании которого был заключен договор 911 г.

Известно, что статьи предполагаемого договора 907 г. совсем не входят в договор 911 г., но появляются снова в договоре 944 г. Содержание договоров изложено в нашей летописи под 907—912 гг., причем под 907 г. даны лишь выдержки из договора, а под 912 г. приводится полный текст. Это породило длительные споры среди ученых, занимавшихся историей древней Руси, о том, существовали ли в тот период один или два договора Руси с Византией. Н. А. Лавровский считал оба договора самостоятельными, причем договор 907 г., по его мнению, был заключен по всем установленным в то время формам. Но этот договор недостаточно полно определял права и обязанности обеих сторон, и потому Олег в 911 г. отправил в Константинополь особых послов для внесения в договор ряда новых условий. В этом новом договоре были повторены и некоторые статьи, включенные в договор 907 г. Но летописец заметил это повторение и ради сокращения пропустил сходные статьи в договоре 911 г.

В 1876 г. С. Гедеонов в своей работе „Варяги и Русь“ пытался дать анализ вопроса о составлении этих договоров и появлении их в славянском переводе. При этом исходным пунктом для него было описание Менандром составления договора Византии с Ираном в 561 г.¹ На основании анализа данных этого источника путем аналогии он заключил, что русские получили: 1) греческий оригинал договора (снабженный императорской подписью), шедшего от византийцев к Руси; 2) греческую копию договора, шедшего от русских к грекам и также написанного по-гречески, 3) болгарские переводы с того и другого. С. Гедеонов полагал также, что составитель „Повести временных лет“ имел в своем распоряжении болгарский перевод того экземпляра Олегова договора, который шел от Руси к грекам: летописец внес его целиком в свое повествование².

В. И. Сергеевич³ не находил возможным считать статьи, помещенные летописцем под 907 г., взятыми из действительного договора, а предлагал рассматривать их как известия о мирной сделке, заключенной между Русью и Византией, притом устно, а не письменно. По его мнению, в летописи приведен не полный текст договора 911 г. В первоначальном своем виде он содержал все те статьи, на которые договор Игоря с Византией ссылается словами — „яко же уставлено есть преже“, а также и те, которые находятся в договоре 907 г. Думать же о другом каком-либо договоре после 911 г. нет оснований⁴.

В 1895 г. в „Византийском временнике“ была напечатана статья А. Димитриу „К вопросу о договорах русских с греками“⁵. А. Димитриу

¹ Menandri Protectoris, fragm. 11, ed. Fragmenta historicorum graecorum (C. Müller), t. IV, 1851, col. 206 sq.

² С. Гедеонов. Варяги и Русь, СПб., 1876, т. 1, стр. 282.

³ В. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X века. ЖМНП, ч. ССХІХ, 1882, январь, стр. 82—115.

⁴ Там же, стр. 82—92.

⁵ А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками. „Византийский временник“, т. II, вып. 4, 1895, стр. 531—550.

считает, что в 907 г. Олег заключил лишь словесный договор с греками, но формального договора составлено не было. Однако тогда же по почину Византии было решено заключить и формальный договор, для которого послы Олега и отправились в Константинополь. Договор был там действительно написан и притом на двух языках — греческом и славянском. Затем византийский император должен был отправить к Олегу своих послов для вручения последнему хрисовула. Вручение этого хрисовула и должно было означать ратификацию договора. Однако эта ратификация не состоялась вследствие смерти Олега.

Автор принимает дату смерти Олега, приводимую в „Повести временных лет“, и в связи с этим считает, что договор 911 г. должен быть признан несостоявшимся¹. Здесь А. Димитриу забывает одно место из Льва Диакона, на которое указывал еще Вилькен и которое свидетельствует о том, что договор 911 г. был утвержден обеими сторонами². У Льва Диакона есть определенное указание на мирные договоры, заключенные при Олеге. Отвечая на высокомерное послание русского великого князя Святослава, византийский император Иоанн Цимисхий говорит: „Я думаю, ты не забыл катастрофу, постигшую твоего отца, который преступил клятвенные договоры (τὰς ἐνόρκους σπονδὰς παρὰ φαῦλον ἕμενος) и с великой силой и тысячью кораблей выступил против царственного града“³. Эти „клятвенные договоры“, которые Игорь, по мнению византийского правительства, нарушил в 941 г., не могли быть не чем иным, как договорами Олега.

А. А. Шахматов в статье „Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря“ приходит к такому выводу о договорах Олега: „Олег заключил с греками только один договор 911 года, и отрывки этого договора были перенесены под 907 год летописцем, имевшим, как ему казалось, основание думать, что договору 911 года предшествовал другой, с ним тождественный, и предположивший, что этот первый договор Олега заключен им под стенами Константинополя“⁴. А. А. Шахматов, к сожалению, не объясняет, зачем летописцу понадобилось искусственно делить единый договор, притом еще так, чтобы под 907 г. поместить основные статьи, регулирующие русско-византийские отношения этого времени, а в договор 911 г. — статьи дополнительные. М. Д. Приселков и В. В. Мавродин объясняют это случайностью: когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность пользоваться для составления „Повести временных лет“ княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, эти последние находились в плохом состоянии. Некоторые из них вовсе не сохранились. Часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, и это дало Нестору повод считать оторванный кусок за остаток текста более раннего договора с Византией⁵. Но если бы случайно был оторван кусок договора 911 г. и притом включавший в себя, как мы говорили, наиболее важные статьи, то оставшийся текст неизбежно

¹ А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками, стр. 545.

² H. Wilcken. Ueber die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. Abh. der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften 1829, S. 94.

³ Leonis Diaconi Historia, lib. VI, cap. 10, ed. Bonn, 1828, p. 106.

⁴ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, стр. 400.

⁵ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам. „Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та“, серия историческая, вып. 8, 1941, стр. 229; В. В. Мавродин. Образование Киевского государства, Л., 1945, стр. 229.

носил бы фрагментарный характер, чего, однако, мы в нем не видим.

Таким образом, разногласия между вышеуказанными историками, из которых ни один не отрицает подлинности договорных статей, помещенных летописью под 907 г., сводятся в сущности лишь к вопросу о том, представляли ли собою эти статьи самостоятельный договор 907 г., или же они были заимствованы из договора 911 г.

Не все ученые одинаково объясняют также историю перевода договоров с греческого на славянский язык. Так как переводы договоров долго считались современными их заключению, то их обычно рассматривали как болгарские переводы (С. Гедеонов и др.). В 20-х годах XX в. В. М. Истрин выдвинул иную точку зрения: он поставил прежде всего вопрос о том, существуют ли прямые данные, из которых было бы видно, что дошедшие до нас переводы договоров были составлены одновременно с заключением последних. Как известно, основанием для такого утверждения служат, во-первых, указания Олегова и Игорева договоров о том, что они были написаны „на двух харатях“, и, во-вторых, упомянутое выше описание Менандром заключения договора Византии с персами, из которого следует, что договоры писались на языках обеих договаривающихся сторон. Если в наших договорах сказано, что они написаны „на двух харатях“, то вполне естественно было бы предположить, что одна „харатья“ была греческая, а другая — славянская. В. М. Истрин, однако, высказал сомнение по поводу того, что процедура составления договоров, имевшая место при заключении договоров между Византией и другой страной старой культуры — Персией, обязательно применялась и при составлении договоров Византии с „варварской“, не имевшей своей письменности Русью. В. М. Истрин считал возможным, что две „харатии“, о которых говорят наши договоры, могли быть обе греческими, а русский князь и русские послы пользовались одной из них посредством устного перевода¹. Если это так, то возникает вопрос, когда же в действительности были переведены договоры? — Замеченное уже прежними исследователями отсутствие простоты и удобопонятности договора 911 г., нередко наблюдаемое смешение местоимений „мы“, „наш“ и „вы“, „ваш“ В. М. Истрин объясняет тем, что договор переводился тогда, когда практического значения он уже не имел, когда и переводчик не был непосредственно заинтересован в точности передачи текста, да и читатели договора не были заинтересованы в этом. Отсюда В. М. Истрин приходил к выводу, что перевод сделан в позднее время, во всяком случае, не одновременно с заключением договора и притом или недостаточно внимательным и сведущим переписчиком, или с неисправного греческого оригинала. В. М. Истрин относил появление переводов к концу первой половины XI в. и приписывал их переводческому кружку русских книжников, который образовался при дворе Ярослава во второй период его княжения².

По мнению В. М. Истрина, в конце первой половины XI в. в этом литературно-переводческом кружке из готовых источников был составлен хронограф, в котором византийская история, написанная главным образом по хронике Георгия Амартола (почему хронограф и назван был „хронографом по великому изложению“, т. е. по изложению Георгия Мниха), была продолжена русской историей, начинавшейся

¹ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века, „Изв. Отд. русского языка и словесности Российской Академии Наук“, т. XXIX, 1924, стр. 383—393.

² Там же, стр. 390.

с 852 г., т. е. с нападения русских на Царьград, и сначала излагавшейся в рамках истории византийской. В этот хронограф попали и наши договоры; по мнению В. М. Истрина, они были переведены тогда же наряду с другими многочисленными памятниками, привезенными теми греками, которые в составе русского клира прибыли по вызову Ярослава в Киев при учреждении русской митрополии в 1037 г. Таким образом, с точки зрения В. М. Истрина, все русско-византийские договоры должны считаться переведенными в одно время, т. е. спустя 100—150 лет после фактического заключения соответствующих дипломатических актов. Язык всех договоров должен признаваться единым языком — литературным русским языком того времени.

Эти взгляды В. М. Истрина были убедительно опровергнуты академиком С. П. Обнорским, который правильно указал на основную методологическую ошибку В. М. Истрина, заключающуюся в том, что последний пытался разрешить вопрос о времени перевода договоров на основе общих исторических и теоретических соображений. Между тем, только лингвистическое исследование текста договоров, — указывал академик С. П. Обнорский, — могло бы дать то или иное разрешение поставленного вопроса¹. Произведенный С. П. Обнорским анализ языковых особенностей летописи не подтвердил гипотезы В. М. Истрина. С. П. Обнорский своим анализом доказал, что язык обоих договоров не одинаков и что договоры 911 и 944 гг. надо рассматривать как два разных памятника, продукты двух разновременных переводов. Перевод договора 911 г., неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит всякого рода грецизмами, страдает частыми нарушениями требований русского синтаксиса. Перевод договора 944 г. совершеннее, более удобопонятен, не так засорен грецизмами, относительно редко грешит в отношении русского синтаксиса. Оба договора отличаются по языку.

В языке договоров, несмотря на то, что они сохранились в позднем списке, много общих архаических черт старшего по бытованию в литературном языке периода, чем конец XI в. „Здесь, — говорит С. П. Обнорский, — достаточно широкое употребление аористических форм, наличие имперфекта, архаическое и относительно выдержанное пользование винительным, не родительным, падежом объекта от одушевленных имен, стройное архаического типа пользование соответствующей системой членных и нечленных форм прилагательных и причастий“².

В то же время С. П. Обнорский устанавливает черты, которые присущи договору 911 г., но которых лишен договор 944 г., — черты, вместе с тем представляющиеся особенно архаическими в общей линии развития литературного языка. Такими чертами С. П. Обнорский считает употребление „иже“ без согласования с определяемым словом, архаическую по структуре форму причастия прошедшего времени и тенденцию к обязательному переводу греческой лексики, которая позднее, по договору 944 г., остается без перевода.

Эти данные, извлекаемые непосредственно из текста договоров, подтверждают гипотезу о том, что появление договоров в переводе с греческого языка на славянский не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а следовательно оно должно было совпадать со временем действительного заключения соответствующих

¹ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. „Язык и мышление“, т. VI—VII, изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 101.

² Там же, стр. 103.

дипломатических актов. С этой точки зрения получает объяснение и разное качество перевода договоров. Становится понятной и причина различия самого языка, на который были переведены, с одной стороны, договор 911 г., а с другой, — все последующие. Отсюда мы можем сделать важный вывод о том, что дошедший до нас перевод договора 911 г. является не только подлинным, но и одновременным его заключению. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, но написан все же языком русским. Таким образом, существование русской славянской письменности в начале X в. становится несомненным.

Очевидно, Олеговы договоры составлялись в двух экземплярах: на греческом и славяно-русском языках. Последний экземпляр и дошел до нас в летописи. Он дает совершенно категорический и притом отрицательный для норманистов ответ на кардинальный вопрос о том, каков был язык на Руси в начале X в., — германский или славянский. Сам летописец, который оставил нам предание о начале русского государства, отметив славянское происхождение Руси, пишет, что „словенский язык и русский одно есть“¹. Славянский и русский язык — одно потому, очевидно, что Русь не представляла собой чужеземного племени. Иначе сказать, в представлении летописца народность и язык — понятия тождественные. Следовательно, говоря о единстве славянского и русского языков, летописец вместе с тем устанавливает и единство народностей².

Эти данные летописи наносят сокрушительный удар норманистской теории происхождения русского государства.

Подтверждением того, что Русь не представляла собой чужеземного племени, является перечень русских городов, на которые Византия, по сообщению летописца, давала „уклады“ по соглашению 907 г. Здесь фигурируют Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск (Полоцк), Ростов, Любеч: все эти названия русских городов — славянские. Наконец, из сообщения летописца видно, что „мужи“ Олега после заключения мира с Византией (т. е. в том же 907 г.) поклоняются славянскими языческими божествами — Перуном и Велесом, а не германскими — Одином и Тором. Имена этих богов летописец дает в своем комментарии к договору; очевидно, он имел на это основание, так как в подлинном тексте договора Игоря также упоминается Перун, причем в том же смысле и в таком же контексте.

Таким образом, договоры Олега дают веский материал, опровергающий норманистскую теорию.

Норманисты пытаются использовать договоры Олега для „доказательства“ своих антинаучных положений; в частности, они ссылаются на имена послов и купцов, упомянутые в договорах. Вопрос об именах послов многократно обсуждался в нашей литературе. С. Геденов находил в числе имен послов Олеговых семь славянских, три — скандинавских, четыре имени (Рулав, Руад, Рюар, Актеву) неизвестного происхождения³. Г. М. Барац считал, что среди них имеются еврейские имена⁴. Мы отнюдь не будем отрицать того, что большинство имен, записанных в договоре, звучит не по-славянски и что варяги принимали участие в походах Олега и составлении договоров с греками. Варяги потому могли быть отправлены в Константинополь, что,

¹ Повесть временных лет, стр. 23.

² Д. И. Багалей. Русская история, т. 1, М., 1914, стр. 167.

³ С. Геденов. Варяги и Русь, стр. 289 и сл.

⁴ Г. М. Барац. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией, Киев, 1911.

подобно многим другим своим соотечественникам, они уже бывали там прежде, знали греческий язык, нравы и обычаи Византии. Наличие неславянских имен у „мужей“ Олега доказывает только, что состав древне-русской дружины был разнообразен; в нее входило и известное число норманнских наемников, которые являлись к нам в поисках добычи. Об этом свидетельствуют и скандинавские саги и наша летопись.

Но договоры Олега с греками показывают, что первые дошедшие до нас письменные памятники написаны для славян и на славянском языке.

Это обстоятельство „не устраивает“ норманнистов, и теперь, когда в зарубежной загнивающей буржуазной „науке“ особенно ярко проявляется тенденция всячески принизить историческую роль и значение русского народа, делаются попытки не только отрицать реальность походов Олега на Константинополь, но и подлинность самих договоров. Такую попытку предпринял глава реакционного зарубежного византиноведения, небезызвестный А. Грегуар¹, который заявил, что он не знает никаких достоверных дат русской истории между 860 и 941 гг.

А. Грегуар, в частности, голословно отрицал существование торговых связей Руси с Византией в 907 или в 911 гг.² Совершенно ясно, что все эти фальсификаторские измышления А. Грегуара и других буржуазных историков являются лишь одним из примеров прислужничества исторической „науки“ на Западе ее империалистическим хозяевам. Характерно, что домыслы А. Грегуара были отвергнуты даже буржуазным историком Г. Острогорским, который с полным основанием назвал их „фантастическими“³. Действительно отрицание А. Грегуаром историчности Олега, его похода на Константинополь и т. д. не заслуживает даже рассмотрения: оно объясняется, конечно, не только недостаточным знакомством бельгийского историка с русскими источниками и литературой: фальсификаторские домыслы А. Грегуара, не имеющие ничего общего с наукой, представляют собой откровенную попытку принизить историческое прошлое русского народа.

Отметим, что в своем ответе Г. Острогорскому⁴ А. Грегуар уже не поднимает вопроса о мифичности Олега и о подлинности договора, заключенного в 911 г. Олегом с византийским правительством, но он продолжает вопреки фактам отрицать русский поход на Константинополь в 907 г. А. Грегуар ссылается на то, что в византийских источниках не сохранилось упоминаний о русском нападении на Константинополь около 907 г. Это утверждение А. Грегуара следует, однако, признать фактически необоснованным. Уже давно русские историки, в частности, Ф. И. Успенский, обратили внимание на одно место из хроники Псевдо-Симеона⁵, в котором они справедливо видели косвенные указания о набегах русских на Византию при Олеге.

¹ H. Grégoire. La légende d'Oleg. „Byzantion“, t. XI, 1936, p. 601—604.

² Подробный разбор и критику взглядов А. Грегуара по вопросам истории русско-византийских отношений см. в нашей статье „А. Грегуар и его работы по византиноведению“, „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 240—243.

³ G. Ostrogorsky. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907. „Seminarium Kondakovianum“, t. XI, 1939, p. 47—62, 296—298.

⁴ H. Grégoire. Réponse à l'article de M. Ostrogorsky. „Byzantion“, t. XIV, 1939, p. 379—380.

⁵ Symeonis Magistri De Leone Basilii F., cap. 13, ed. Bonn, 1838, p. 706 sq.

В своем рассказе о появлении Льва Триполийского в византийских водах в 904 г. Псевдо-Симеон, перечисляя ряд географических пунктов, пытается объяснить, как возникли их названия. Однако он не говорит о том, какую связь имеет перечисление этих пунктов с ходом военных действий, с попыткой Льва Триполийского напасть на Константинополь. Только из сообщения Продолжателя Феофана¹ мы узнаем, что здесь идет речь о тех городах и островах, мимо которых проходили арабы, направляясь к острову Самофракия. Далее, за этим „арабским“ списком географических названий у Псевдо-Симеона — и только у него одного — идет перечень географических пунктов (Месемврия..., гора Гэм..., Мидия..., Селимврия..., Македония..., Никополь..., Гиерон..., Фар... Русские, называемые дромитами..., мыс Трикефал..., Раден), которые не имеют никакого отношения к арабам, причем автор, пытаясь и в этом случае объяснить происхождение их наименований, не устанавливает какой-либо связи этих перечисляемых пунктов с историей².

Этот второй список географических названий имеет непосредственное отношение к русским; последние упоминаются в нем и называются Русью-дромитами. Этот список географических названий указывает тот морской путь, которым русские обычно доходили до Константинополя. Как известно, они плыли вдоль болгарского побережья Черного моря. Мыс Гэм, Месемврия, Фарос, Мидия (Салмидессус); Фарос (современный Румели-Фанар), Гиерон (теперешний Анадоли-Кавак) были на прямом пути торговых предприятий и военных походов русских на Константинополь.

Возникает предположение о том, что в источнике, которым пользовался Псевдо-Симеон, речь шла о морском нападении русских на Константинополь. Псевдо-Симеон в данном случае так же, как и в описании похода Льва Триполийского, опустил описание исторических событий, оставив только перечисление географических пунктов и упоминание о Руси.

В последнее время расшифровку сообщения Псевдо-Симеона пытался дать Р. Дженкинс, который предложил следующим образом читать данный текст: „русские, или дромиты, под предводительством вождей, одаренных мудростью или божественным вдохновением, пришли морем, обступили мыс и перешли государственную границу у Месемврии, а сухопутное войско, пройдя через Болгарию и Фракию, достигло Мраморного моря у Селимврии. Суда, идя вдоль берега, повернули в пролив у Фара, прошли Иерон и достигли суши у вифинского побережья у Трикефала. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Селимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Раден“³.

Конечно, Р. Дженкинс читает в источнике гораздо больше того, что в нем в действительности содержится; он и сам признает свою реконструкцию гипотетической. У Псевдо-Симеона мы читаем о Русидромитах: *Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται, φερόντων ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντες ἀπληγμάτα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερχόντων αὐτοῦς ἐπιπέκλυνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὄψεως τρέχειν αὐτοῖς προσεγγέμετο.*

В этом сообщении Псевдо-Симеона о Русидромитах много спорного. Греческий текст не ясен и, очевидно, поврежден.

¹ Theoph. Cont., lib. VI, cap. 20, ed. Bonn, 1838, p. 367.

² Symeoni Magistri, l. c.

³ R. S. H. Jenkins. The supposed Russian Attack on Constantinople in 907; evidence of the Pseudo-Symeon. „Speculum“, July 1949, p. 406.

Р. Дженкинсу не удалось сделать понятным этот явно испорченный греческий текст. Быть может, только внимательное изучение всех сохранившихся рукописей и разночтений данного текста может пролить свет на это загадочное место.

Но игнорировать этот текст также невозможно. Историк стоит перед крайне важным фактом: приблизительно в то же время, к которому относится летописный поход Олега, византийский хронист „неожиданно“ вспоминает о русских и перечисляет географические пункты, через которые обычно проходила Русь, направляясь в Константинополь. Это совпадение нельзя признать случайным. А. Грегуар пытался доказать, что Олеговы договоры на самом деле представляют будто бы договоры Византии с Симеоном Болгарским. С этой целью А. Грегуар прибег к крайне искусственному истолкованию некоторых эпиграфических памятников¹. Он не удовольствовался тем, что объявил „легендой“ факт заключения русским князем Олегом в 911 г. торгового договора с греками. Пытаясь „объяснить“ происхождение этой „легенды“, бельгийский историк не нашел ничего лучшего, как приписать киевским летописцам, которые якобы из болгарских источников знали о торговом договоре между Византией и Болгарией, заключенном при Симеоне (текст договора не сохранился), — переделку титула болгарского министра, подпись которого будто бы стояла под договором, — в имя князя Олега. Не говоря уже о натянутости и абсурдности производимых А. Грегуаром сближений имен в источниках и беспочвенности его гипотез относительно несохранившегося болгарско-византийского договора, следует полностью отвергнуть домыслы А. Грегуара еще и на другом основании. А. Грегуар упускает из виду то обстоятельство, что статьи Олеговых договоров, касающиеся морской торговли, не имеют никакого отношения к Болгарии.

Мы не отрицаем, что поход Олега на Византию мог стоять в определенной связи с событиями на Балканском полуострове, в частности, с болгаро-византийскими войнами при царе Симеоне. Однако характер этой связи в настоящее время остается еще неясным.

Некоторые советские историки, как, например, М. Н. Тихомиров, пытались уточнить этот вопрос, используя данные так называемого „Кембриджского документа“. Мы читаем здесь, что Роман Лекапин послал большие дары „Х-л-гу, царю Руси“, и подстрекнул его напасть на хазар. Хельгу напал на город S-m-b-r-jj (искаженное S-m-k-r-c, по мнению П. К. Коковцева—Тмутаракань)² и взял его, воспользовавшись отсутствием „там начальника, раб Хашмонея“. Тогда Бул-ш-ци (вероятно — титул. — М. Л.)³ Песах напал „на города Романа“, а затем „пошел войной на Хлгу и воевал“ (далее следует пропуск) „и бог подчинил его Песаху“; Хельгу вынужден был отдать все, что он добыл мечом в S-m-b-r-jj и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах заставил его выступить против Романа: „И пошел тот против воли и воевал против Кустантины (т. е. Константинополя) на море четыре месяца. И пали там богатые его, потому что македоняне осияли (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (Pāras) и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти хазар“⁴.

¹ См. нашу статью „А. Грегуар и его работы по византиноведению“. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 241.

² П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке, Л., 1932, стр. 118, прим. 4.

³ Ср. П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 118, прим. 6.

⁴ П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 120.

Как показывает исследование П. К. Коковцева, в „Кембриджском документе“ в фантастическом сочетании представлены события, относящиеся к разным эпохам; не менее фантастические сведения содержатся здесь и о хазарах. П. К. Коковцев установил, что хотя одним из источников „Кембриджского документа“ послужила „Книга Иосиппон“ (конец X в.) и, может быть, некоторые аналогичные источники такой же сомнительной ценности, но главным источником этого документа являлся скорее всего „какой-либо утраченный византийский литературный памятник, может быть, именно то письмо, о котором упоминает, к сожалению, в неясных выражениях, Иехуда бен-Барзиллай в конце XI в., и которое по своему содержанию, повидимому, отчасти совпадало с „Кембриджским документом“. В подобном источнике, основанном на народных рассказах, поход князя Олега на императора Романа Лекапина не может и не должен нас поражать более, чем множество аналогичных странностей старой исторической литературы“¹.

Несмотря на фантастичность сочетания и тенденциозность изложения, „Кембриджский документ“ отражает некоторые факты исторической действительности, а именно: 1) поход русских на Черное море и в Персию, 2) поход русского князя Олега на Константинополь, 3) сожжение русского флота (Игоря) византийцами, 4) факт подстрекательства киевского князя византийским императором Романом к захвату Самбарац-Таматархи и захват русскими этого города, 5) борьбу хазар за возвращение своих прежних владений в Северном Причерноморье и их нападения на владения Византии.

М. Н. Тихомиров пытается с помощью этого документа определить хронологию Олегова похода². Он исходит из предпосылки, что сношения между Русью и Болгарией в X в. были более тесными, чем это обычно представляют. Это положение является безусловно правильным. Мы только не понимаем, почему М. Н. Тихомиров считает странным, что поход Олега на Царьград никак не отразился в болгарских исторических памятниках³. Ведь для данного периода почти не сохранилось, как известно, болгарских исторических источников, так как они были уничтожены византийцами в период их 200-летнего хозяйничанья в Болгарии; поэтому ничего странного в этом факте мы не находим.

М. Н. Тихомиров прав, указывая, что движение по великому водному пути „из варяг в греки“ было невозможно без согласия болгар, так как этот путь проходил вдоль берегов их государства. Русские суда, — указывает М. Н. Тихомиров, — доходили до устья Дуная и оттуда шли к Месемврии, как об этом говорит Константин Порфирородный. „От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Вары приходят к реке Дичине — все эти места находятся в Булгарии — от Дичины достигают области Месимврии“⁴. Но попытка М. Н. Тихомирова хронологически связать поход Олега с болгарско-византийскими войнами первой четверти X в. не может быть признана успешной.

Ссылаясь на „Кембриджский документ“, М. Н. Тихомиров пишет: „Время похода Олега на Царьград и время его гибели отнесено

¹ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке, стр. XXXIII, XXXV.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 141 и сл.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же.

ко времени императора Романа Лекапина. Уже В. А. Пархоменко отметил важность приведенного документа, как датирующего время жизни Олега царствованием Романа¹. Действительно, „Новгородская“ летопись, знающая только об одном походе Олега, датирует его 922 г., но указанный год был весьма знаменателен в истории Византии. Летом 922 г. болгарский царь Симеон осадил Константинополь. После долгой осады византийской столицы был заключен мир между греками и болгарами... 9 сентября 922 г. произошла встреча Симеона с Романом. Болгары тщательно осматривали место встречи, боясь измены или засады. После беседы Симеона и Романа болгарский царь получил богатые дары. Весь приведенный рассказ, — пишет М. Н. Тихомиров, — сильно напоминает рассказ летописи о походе Олега на Царьград. Олег разбивает палаты и сжигает церкви. Олегу выносят отравленное вино и пищу. Олег вешает свой щит на воротах Царьграда в знак победы и заключает мир с греками. Совпадение же похода Олега со временем осады Царьграда царем Симеоном заставляет думать, что летопись не случайно отнесла поход Олега к 922 г. Поход Симеона и его необыкновенная удача, может быть, станут понятны, если мы признаем возможность участия Олега в походе Симеона. Тогда летописная дата похода и еврейское сообщение о смерти Олега во Фракии найдут себе обоснование².

Таким образом, М. Н. Тихомиров считает возможным говорить о совместной осаде Константинополя в 922 г. войсками Симеона и Олега. Однако ближайшее ознакомление с источниками опровергает эту гипотезу М. Н. Тихомирова. Действительно, хотя Новгородская первая летопись относит неудачный поход Игоря на греков к 920 г., а победоносный поход Олега — к 922 г., т. е. ко времени царствования Романа Лекапина, однако это известие летописи основывается, как показал еще А. А. Шахматов, только на искусственной переделке тех же хронологических данных, которые послужили основой и для составителя „Повести временных лет“: оно объясняется явным желанием составителя „Начального свода“ представить поход Олега как блестящую „отместку“ за Игоря, воеводой которого Олег выставляется в том же „Начальном своде“³.

С другой стороны, М. Н. Тихомиров ошибочно полагает, что Симеон осаждал Константинополь в 922 г. В. Н. Златарский установил, что свидание Романа с Симеоном состоялось в 923 г., но тогда не было никакой осады и опустошений. Свидание повело к предварительному, хотя и долго не подтверждаемому, соглашению⁴. Некоторые историки полагают даже, что свидание это состоялось в 924 г.⁵

Наконец, мы располагаем византийскими источниками, в которых русские рисуются в качестве союзников Византии против болгар в 922 г.

¹ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI в.), Л., 1924, стр. 75—76.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 142—143.

³ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, стр. 386—387. Ср. также В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград, „Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Акад. Наук“, т. XXI, 1916, стр. 215 и сл.

⁴ В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 465—467.

⁵ Ch. Diehl, в кн. Histoire du moyen âge, t. III (sér. Histoire générale... par M. Glotz), Le monde oriental de 395 à 1081, Paris, 1944, p. 455. S. Runciman. The first Bulgarian Empire, London, 1930, p. 168.

В свете этих фактов предположение о том, будто русские вместе с болгарами осаждали в этом году византийскую столицу, полностью исключается.

В самом деле, в письме к болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает Симеону нашествием венгров, печенегов, аланов и русских: императоры, пишет он, не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских и другие скифские племена, пока последние совершенно не истребят болгарский народ¹.

Трудно допустить, чтобы патриарх мог писать такое письмо, если бы русские в том году были союзниками Симеона и осаждали Константинополь. Из этого письма и из других источников видно, что обе борющиеся стороны искали себе союзников среди народов северного Причерноморья. В 922 г., повидимому, намечался союз Руси с Византией против Болгарии.

Таким образом, предположение М. Н. Тихомирова о том, что поход Олега на Византию состоялся в 922 г., не может быть доказано. Этот поход, очевидно, имел место до 911 г., т. е. до заключения договора с Византией. Он не мог состояться в 910 г., так как, по свидетельству источников, в этом году значительный отряд русских сражался на стороне Византии: в 910 г. русские принимают участие в морском походе византийского полководца Имерия против Льва Триполийского, который в 904 г. нанес страшный удар Византии, взяв Фессалонику. В 906 г. Имерий одержал над ним значительную победу; после этого византийское правительство собрало огромный флот в 200 судов с 34 тысячами человек экипажа для нанесения Льву решительного удара и отвоевания Крита. По сообщению Константина Багрянородного, в состав экипажа этого флота входило 700 русских наемников, получивших за участие в походе 100 литр золота².

Если в 910 г. русские уже сражались в византийском флоте, то соглашение об их найме должно быть отнесено к предшествующему времени. Поход же Олега на Византию не мог состояться ранее 907 и 908 гг.: точная хронологическая дата, которой мы располагаем, — 2 сентября 911 г. (дата заключения договора), — не позволяет отодвигать время военных действий слишком далеко назад.

Все эти соображения приводят к выводу, что летописная дата похода — 907 г. — является весьма вероятной.

Как мы уже указывали, описание похода 907 г., данное в летописи, является в значительной степени легендарным, так же, как и указанный там размер дани, наложенной на Византию. Давно уже отмечено, что рассказ летописи под 907 г. представляет собой соединение двух версий об одном и том же событии³. Но самые договорные статьи, помещенные под 907 г. летописцем, не могли быть им сочинены. Невероятно также предположение А. А. Шахматова о том, что статьи соглашения 907 г. могли быть взяты из договора 911 г., что они составляли его интегральную часть. Язык этих договорных статей существенно отличается не только от путаного языка договора 911 г., но

¹ В. Н. Златарски. Писмата на патриарха Николая Мистика, „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, София, 1890, кн. XII, стр. 150, 155.

² Const. Porphyg. De ceremoniis aulae byzantinae, ed. Bonn, lib. II, cap. 44, p. 654.

³ Г. М. Баранц. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1911, стр. 24.

и от более ясного языка договора 944 г. Он почти свободен от книжных славянизмов (вроде дательного независимого) и от несвойственного русскому языку расположения слов в предложении. Не приходится уже говорить о том, что в этом соглашении употребляется русская денежная единица (гривна), в то время как в договорах 911 и 944 гг. денежный счет ведется на греческие единицы.

Договор 911 был окончательный. Поэтому, если бы вторая половина акта 907 г. входила в него, то она могла бы иметь форму, сходную со статьей 2 договора 944 г. (за исключением явных позднейших дополнений), но никоим образом оригинал не мог состоять из диалога, начало которому полагают послы Олега, как это записано в „Повести временных лет“ под 907 г.

Нельзя думать, что летописец сам разложил окончательную форму договора на его подготовительные и составные части и придал предварительным статьям замечательно удачную конструкцию¹.

Еще менее допустимо, чтобы в конце XI или в начале XII вв. летописец изобрел термин „уклад“, являющийся договорным уникумом. Мы не в состоянии в данный момент объяснить, почему договорные статьи под 907 г. приводятся в извлечении и парафразе летописца, но, несомненно, они имеют в глазах историка достоинство акта, воспроизводящего действительные исторические события и не случайно помещенного под 907 г. Что эта дата не ошибочна, подобно многим другим летописным датам до 941 г., показывает то обстоятельство, что „Повесть временных лет“ приводит правильные имена двух императоров во время нападения Руси 907 г.

Византийское правительство в 907 г. находилось в затруднительном положении: неоконченные переговоры о перемирии с арабами, измена Андроника, начальника пограничной области в Малой Азии (который в 906 г. вместо присоединения к Имерии поднял восстание и захватил крепость Кабалу около Кони) и связанные с этим обстоятельством осложнения на восточной границе — все это могло быть известным Олегу. Византийское же правительство вследствие указанных обстоятельств оказалось вынужденным пойти на значительные уступки русским.

Считая наиболее вероятным, что русский поход на Константинополь состоялся в 907 г., мы в то же время должны присоединиться к мнению тех исследователей, которые полагают, что в 907 г. было заключено лишь предварительное соглашение, а окончательный мирный договор был оформлен только в 911 г.² Действительно, договор 911 г. определенно говорит о существовании предварительного соглашения, в котором, очевидно, были статьи, записанные летописцем под 907 г. Во введении к договору 911 г. мы читаем: „Наша свѣтлость (Олег) бо лѣ инѣх хотящи, еже о бозѣ удержати (и) извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихом, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему“³, т. е. „наша светлость более других желая с божьей помощью удержать и провозгласить такой мир, какой был между христианами и Русью неоднократно, решили на деле упрочить такой мир не только

¹ Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, сентябрь, стр. 292—317.

² А. Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками. „Византийский временник“, т. II, 1895, стр. 543.

³ Повесть временных лет, стр. 26.

прямым словесным обещанием, но и клятвой твердой согласно вере и обычаям нашим“. Смысл этого текста такой: Олег и раньше заключил договор с греками, но только словесный; он обещал греческим императорам утвердить этот договор письменным актом, скрепленным присягой и подписями, и теперь выполняет данное обещание. Это ведет нас прямо к договору 907 г., когда было заключено предварительное соглашение, на основании которого в 911 г. был заключен договор уже формальный¹. Летописное „простословесен“ может означать и письменную форму, только не торжественную, не сопровождавшуюся „клятвой“. Обращаем также внимание на заголовок договора 911 г. — „Равно другого свещания, бывшаго при тѣх же царѣхъ Лва и Александра“. Слова тех же свидетельствуют, очевидно, что перед договором 911 г. теми же императорами уже был заключен договор с Русью².

А. Е. Пресняков почему-то считает, что заключение предварительного соглашения в 907 г. и окончательного в 911 г. не соответствует дипломатической практике X в. Но мы могли бы указать несколько случаев из истории византийско-болгарских отношений при Симеоне, когда дипломатические переговоры тянулись целыми годами, когда предварительное мирное соглашение отделялось от окончательного длительным промежутком времени.

Если мы обратимся к анализу самих договоров, то легко установим, что под 907 г. летописцем записаны основные статьи, регулирующие русско-византийские торговые отношения, а в договоре 911 г. идут статьи разнообразного содержания, которые мы могли бы назвать дополнительными. Из содержания статей, записанных под 907 г., мы видим, что Русь добилась очень крупных преимуществ: прежде всего русские купцы были освобождены от уплаты обременительных таможенных пошлин³ — десятины со всех товаров, которую они платили раньше, как об этом свидетельствует Ибн-Хордадбег⁴. Очевидно, именно к этому и стремились русские, предпринимая поход на Византию. И они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы тогда же достигнуть определенной договоренности с Византией по этому вопросу.

Известно, что Византия очень редко и неохотно предоставляла торговые льготы иностранным купцам. Венецианцы получили право беспошлинной торговли в Византии только в конце XI в., когда Византия находилась в критическом положении и не могла обойтись без военной помощи венецианцев. Получение для русских купцов этой льготы в 907 г. являлось выдающимся успехом Руси.

Но русские купцы не только могли на основании соглашения 907 г. приезжать в Царьград и вести здесь беспошлинную торговлю. Кроме этого, они приобрели и другие выгоды. Русским купцам в течение шести месяцев пребывания в византийской столице выдавалось продовольствие (хлеб, вино, мясо, рыба, овощи). При этом в соглашении 907 г. предусматривалось, что это продовольствие (оно называлось „месячное“ в отличие от того, которое полагалось послам — последнее именовалось „слебное“) купцы должны получать в порядке старшинства тех городов, из которых они прибыли; сперва пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. Русские

¹ Ср. А. Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками, стр. 543.

² Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, сентябрь, стр. 310.

³ Повесть временных лет, стр. 25: „да творят куплю, яко же имь надобе, не платяче мыта ни в чем же“.

⁴ M. I. De Goeje. Bibliotheca geogr. arabic., VI, 115, Amsterdam, 1880.

послы и купцы имели право мыться в греческих банях „елико хотят“. Они получали на обратный путь провизию, якоря, веревки, паруса и все необходимое для благополучного возвращения¹.

В то же время Византия выговаривала некоторые условия, гарантирующие ей безопасность от приезжающих в Константинополь русских. Русские купцы должны были останавливаться в предместье города (у церкви св. Мамонта). Там их переписывали поименно греческие чиновники и затем уже впускали в город — без оружия, в одни ворота и притом небольшими партиями по 50 человек. Русские, прибывающие в Константинополь не для торговых целей, не получали „месячного“. Русские послы и купцы обязывались не совершать в византийской столице никаких бесчинств².

Таковы были важнейшие положения, регулировавшие русско-византийские отношения по соглашению 907 г. Именно потому, что эти статьи уже вошли в соглашение 907 г., они не повторяются в тексте договора 911 г., который наш летописец приводит целиком.

Византийское правительство должно было договориться с киевским князем о том, как поступать при возможных столкновениях русских с подданными империи. В связи с этим в 911 г. Олег послал в Константинополь своих „мужей“: они должны были договориться по этому вопросу и окончательно утвердить мир между византийцами и Русью. Была достигнута договоренность о том, что при разборе каждого преступления нужно основываться на достоверных показаниях; в случае, если правдивость свидетельства будет заподозрена, пусть подозревающая сторона клянется, что свидетельство ложно. „Да егда кленеться по вѣре своей и будетъ казнь, яко же явиться согрешенье“³. Далее в договоре следовали статьи: 1) за убийство одинаково наказываются смертью греки и русские; 2) за удар мечом или битье каким-либо другим орудием платят пять литр серебра; если совершивший преступление не имеет средств, то приносит в том присягу и отдает все свое имущество и одежду; 3) за кражу можно убить вора, если он сопротивляется, в случае же, если вор отдается добровольно, то с него берется сумма, в три раза превышающая цену похищенного имущества; 4) грабитель, применяющий насилие, платит втрое против взятого; 5) если греческий корабль будет терпеть бедствие в чужой земле и там окажутся русские, то они обязаны помочь ему добраться домой; 6) если в какой-нибудь стране будут обнаружены русские или греческие невольники, то обе стороны должны их выкупать и отправлять домой; там выкупившим невольника должна быть уплачена компенсация; военнопленные также должны быть возвращены на родину на условиях выкупа; 7) те из русских, которые хотят служить в императорской войске, могут делать это свободно; 8) если русские невольники будут приведены на продажу из какой-либо страны к грекам, а греческие невольники — на Русь, то они выкупаются по цене 20 золотников и отпускаются на родину; 9) если будет украден русский раб, либо убежит, либо насильно будет продан, и если господин раба будет жаловаться, то раб должен быть возвращен Руси. Также купцы русские, потеряв раба, могут искать его по суду и взять обратно. Если же кто не позволит произвести дознание, то будет обвинен в краже; 10) если кто из русских, служащих у императора, умрет, не оставив завещания и не будет у него никого из родных, то имение его отсы-

¹ Повесть временных лет, стр. 24.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

лается „ближним“ на Русь; если перед смертью укажет наследника своего, то имение переходит ему; 11) если имевший на Руси долг явится в греческую землю и не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же¹.

Таким образом, статьи договора 911 г. можно рассматривать как дополнение к соглашению 907 г. В этих статьях речь идет не только об условиях торговли между Византией и Русью. Здесь предусматриваются случаи нарушения обеими сторонами уголовного и гражданского права, обязательства русских возвращать имущество византийцев, потерпевших крушение, обязательство взаимного выкупа и возвращения на родину пленников и беглых рабов. Статья же о взаимной выдаче военнопленных подтверждает наличие военных действий в период, предшествующий договору.

Договорные статьи 907 г. и точно датированный договор 911 г. являются ценнейшим источником по истории Руси начала X в. Русь выступает в этих договорах крупной политической силой, с которой Византия заключает письменный договор на началах равноправия и взаимности. Оба документа свидетельствуют о том, что в X в. торговые сношения с Византией были уже чрезвычайно важными, чем и вызвана была потребность регулировать взаимные отношения договорами. Инициатива в этом отношении, очевидно, исходила от Руси, так как Византия держала в своих руках торговые пути через Черное море и предпочитала диктовать свои условия чужеземным купцам. Но в X в. Киевская Русь была уже достаточно сильна, чтобы заставить Византию договариваться с собой.

Договоры содержат, кроме того, ценные данные о политическом устройстве Киевской Руси в начале X в. Во главе ее стоял старший князь, „а под рукою его“, по городам (Чернигов, Переяславль, Полоцк и Любеч и „прочии города“) — вассальные князья. Договорные статьи 907 г. свидетельствуют о наличии в Киевской Руси классового общества и государства. „Заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь и потом даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтъск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще“².

В договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представители русской стороны в этом договоре посланы были от „Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь и его великих бояр“³. В договоре перед нами выступают русские князья, бояре, послы, купцы. Они имеют частное имущество, вправе распоряжаться им и могут передавать его по завещанию. Договор 911 г. упоминает в письменных завещаниях русских людей, проживавших в Византии. Академик Б. Д. Греков справедливо указывает: „Если здесь можно допустить, что русские люди, жившие в Византии, могли писать завещание не по-русски, а по-гречески, то в договоре 944 года русская письменность подразумевается уже с гораздо большей вероятностью“⁴.

Договоры Олега свидетельствуют о том, что Русь была с соседями не только во враждебных отношениях, но поддерживала с ними и

¹ Повесть временных лет, стр. 26—28.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 25—26.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 11.

мирные, экономические и культурные связи, которые упрочивали внутреннюю силу и мощь Киевского государства. Из договора 911 г. мы узнаем, что русские уже задолго до заключения договора торговали в Константинополе, нанимались здесь на службу к императорам. Иначе непонятны целые статьи договора, введенные для урегулирования вопроса об имуществе умерших на службе императора русских, запрещение приезжающим творить бесчинства в Константинополе, подробное урегулирование вопроса о рабах, бежавших от Руси к грекам и наоборот. Статьи договора 911 г., устанавливавшие для русских право беспрепятственно наниматься на военную службу к византийским императорам, только подтверждают то, что уже вошло в обычай раньше. Официальное разрешение, данное договором, могло этот обычай лишь расширить. И действительно, с этого времени мы встречаем в источниках упоминания о том, что целые отряды русских нанимались на византийскую военную службу. Так, например, мы видим 700 русских воинов, участвующих в неудачном морском походе Имерия в 910—911 гг., причем они получали большее содержание, чем византийские матросы. В 936 г. при Романе Лекапине 415 руссов участвовали в морском походе в Италию против лангобардов.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что договоры Олега не только по языку, но и по содержанию и по характеру являются славянскими, а не германскими, как утверждали норманнисты, памятниками. Мы уже упоминали о том, что, заключая договоры с греками, русские князья клянутся славянскими языческими божествами, а не германскими. Такие явления, как отсутствие суровых наказаний, почетное положение женщин, право родовой мести представляют собой явления общеславянские. Сходство болгарских и русских обычаев IX—X вв. подчеркивается одинаковым способом клятвы у обоих народов. Русские, по летописи, „полагают щиты своя и мече свои наги... и прочая оружья, да кленутся о всем“¹. Под 907 г. летописец говорит, что мужи Олега „по Рускому закону кляшася оружием своим“². А из ответов папы Николая I на вопросы болгарского царя Бориса узнаем о таком же обычае у болгар. „Вы утверждаете, — пишет папа, — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-нибудь делу, класть перед собой меч, им и клялись“³.

Далее из договоров мы узнаем, что русскими князьями выдавались своим послам и „гостям“, отправлявшимся в Византию, печати (быть может в виде перстней), служившие знаками отличия и достоинства. Существование подобных печатей засвидетельствовано также в сербском законодательстве. Там практиковались два способа вызова в суд: через печати и через грамоты: „властеле вели да сего призываю с книгом судиномь, а прочи с печатком“⁴.

Наконец, и внутреннее содержание договора 911 г., как это давно уже показал С. Гедеонов, не обнаруживает никакого влияния норманнского права, религии, обычаев. Источником его правовых норм служили византийские законы и древнейшая изустная Русская Правда.

¹ Ср. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 139.

² Повесть временных лет, стр. 25.

³ В. Н. Златарский. Клятва у языческих болгар. „Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности“, ч. 1, СПб., 1907, стр. 251—260.

⁴ Законник Стефана Душана, прилож. к кн. Т. Д. Флоринского „Памятники законодательной деятельности Душана“, Киев, 1887, стр. 2.